

М.А. Шакирзянов,
кандидат исторических наук
(Казанский юридический институт МВД России)

МИГРАНТОФОБИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Статья посвящена актуальной социально-экономической и политической проблеме РФ – проблеме миграции населения после распада СССР и появлению в различных уголках России нового явления – мигрантофобии. Обострение мигрантофобии вызвано совокупностью факторов: фактора человеческих отношений, фактора межнациональных противоречий, фактора ментальности, исторического фактора, фактора социальной конкуренции, ростом урбанизации и т.п. Для решения проблемы вынужденных мигрантов необходимы понимание населения и поддержка государства, а их весьма сложно получить.

Ключевые слова: миграция, ксенофобия, политика, толерантность, урбанизация, демографический фактор.

The article is devoted to the actual socio-economical and political problem of the Russia – the problem of the migration of the population after the disintegration of the USSR and to the new phenomenon – the migrantophobia, which appeared in the different parts of Russia. The sharpening of the migrantophobia is caused by combination of factors : a factor of human relations, a factor of interethnic collisions, a factor of mentality, a historical factor, a factor of a social competition, a growth of urbanization etc. In order to solve the problems of forced migrants they need to be understood and supported by the state but it is extremely difficult task.

Keywords: migration, xenophobia, tolerance policies, urbanization, demographic factor.

Современную социально-политическую ситуацию в России можно охарактеризовать как кризис взаимодействий. Распад СССР, изменение стереотипов и установок, ценностных приоритетов в условиях экономического кризиса привели к нестабильности системы общественных и межэтнических отношений. Появился феномен мигрантофобии, который способствует росту межэтнической напряженности. Данный феномен в настоящее время стал объектом пристального внимания различных наук: политологии, социологии, этнографии, истории, демографии, этнической психологии.[1] Проблема интеграции, то есть полноценного включения в жизнь местного сообщества мигрантов, является одним из самых

важных элементов социально-политической безопасности. В условиях социального кризиса, вызванного проблемами безработицы, адаптацией к новым экономическим правилам, отсутствием идеологической базы, создается благоприятная социальная почва для произрастания и массового проявления ксенофобии как чувства недоброжелательности или ненависти. Мигрантофобия является специфической разновидностью ксенофобии, и этот феномен имеет сфокусированный на объекте психологического переживания характер. Образование независимых государств на территории бывшего СССР и наличие прозрачных границ между странами СНГ создали благоприятные условия для бесконтрольного

проникновения на постсоветское пространство нелегальных мигрантов из дальнего зарубежья. Возросла нелегальная миграция и между странами СНГ, в основном на территорию России. Ситуация сегодня усугубляется тем, что Россия мигрантов не хочет, но обойтись уже без них не может. Миграционная политика декларирует борьбу с нелегальной миграцией. Реально же все механизмы устроены так, чтобы выдавить мигрантов из правового поля, оставив место только тем, согласен жить в положении рабов. Бесплатную рабочую силу можно держать в постоянном страхе и зависимости, что и происходит в реальности, особенно в мегаполисах. Общность проблем, с которыми вынужденные мигранты сталкиваются в России, незначительность либо полное отсутствие государственной помощи стимулируют переселенцев к самоорганизации для самообустройства. Например, неправительственная организация «Форум переселенческих организаций в России» охватывает уже более 150 локальных мигрантских объединений. [2]

В силу масштабов и специфического характера миграции последних лет в России возникает первое, важное для понимания истоков мигрантофобии отличие этой миграции от прежних миграционных потоков, состоящее в том, что вынужденные мигранты становятся объектом общественного внимания, а взаимоотношения в местах притока переселенцев складываются не между отдельным мигрантом и принимающей общиной, а чаще всего между местным и пришлым сообществами. При этом хорошо известно, что реальные социальные и межэтнические конфликты, разного рода фобии и мифологемы возникают не в межличностных, а именно в межгрупповых отношениях. Обострение мигрантофобии вызвано совокупностью факторов межэтнических отношений: фактора социальной конкуренции, фактора религиозных противоречий, фактора ментальности, исторического фактора, демографического фактора, фактора

межличностного взаимодействия в системе «местные жители -мигранты», фактора численности мигрантов и особенности их расселения в локальной среде местных жителей, фактора региональной миграционной политики, фактора этнической принадлежности мигрантов, фактора манипуляции сознанием.

В исследованиях отношений между вынужденными мигрантами и местным населением, основанных на кросскультурном психологическом анализе, не раз отмечалось гораздо более сильное преобладание положительной самооценки (или автостереотипа) над отрицательной у переселенцев по сравнению с местными жителями. Это объясняется, в основном, более высокой потребностью вынужденных мигрантов в психологических механизмах, сплачивающих группу, повышающих позитивную идентичность ее членов. Отчасти такая высокая самооценка сформировалась у переселенцев еще в странах выхода и проистекала из их роли своего рода культуртрегеров. Подобная самооценка являлась одной из причин конфликтности их отношений с коренным населением стран прежнего проживания. Этот конфликт они в определенной мере импортируют в Россию. В наибольшей степени актуализируется он в малых городах и селах, население которых воспринимается высокоурбанизированными переселенцами как малокультурное и провинциальное. Кардинальным образом изменилась ситуация в принимающей России. К важнейшим изменениям, которые могли повлиять на менталитет и на повышение уровня мигрантофобии, относятся, во-первых, серьезное ухудшение положения на рынках труда, появление и рост безработицы, сильное имущественное расслоение общества и обеднение большей части российского населения, что значительно повысило роль такой компоненты, как конкурентность в восприятии этим населением притока мигрантов. Во-вторых, развитие процесса регионализации и политизация региональности привели к мобилизации

локальной идентичности, существовавшей раньше в пассивных латентных формах, и к обострению на ее основе противопоставления «свой-чужой». Этому же способствовало и резкое снижение территориальной мобильности населения России после 1992 года, которое сильно сократило контакты и усилило замкнутость местных сообществ. С первыми симптомами начала распада СССР в конце 80-х годов масштабы и характер миграции в Россию из союзных республик резко изменились.

За пятилетие после распада СССР (1992-1996 гг.) прирост населения России за счет обмена с бывшими союзными республиками составил 2,9 млн человек, что больше, чем за три предыдущие пятилетия вместе взятые (2,4 млн чел.), или примерно в 2,5 раза больше, чем за каждое из них. Такой стремительный и масштабный рост миграционного пополнения не мог остаться незамеченным принимающим населением России.

Наряду с ростом масштабов переселение в постсоюзные годы изменилось и содержательно, приобретая преимущественно вынужденный характер. Начался процесс массовой вынужденной миграции, охватившей как насильственное вытеснение целых этнических групп (армян из Азербайджана, азербайджанцев из Армении, турок-месхетинцев из Узбекистана), так и выезд (главным образом возвращение на «свои» территории) других групп титульного населения, увидевших для себя опасность в меняющейся ситуации, почувствовавших себя игроками на чужом поле, испытавших нарастающий этнический и социальный дискомфорт. Общность проблем, с которыми вынужденные мигранты сталкиваются в России, незначительность либо полное отсутствие государственной помощи усиливают эту тенденцию, стимулируя переселенцев к самоорганизации для самообустройства. Весьма специфична в условиях вынужденной миграции и роль ситуации на рынках труда. Для обычных миграционных потоков в качестве доминирующего мотива переселения чаще

выступает улучшение трудоустройства (обеспечение более высоких заработков, продвижение профессиональной карьеры и т.д.), и мигранты переезжают после того и в связи с тем, что нашли более привлекательное рабочее место. Добровольная или обычная миграция не связана с серьезными ухудшениями общей конъюнктуры на рынках труда. При наличии таких ухудшений можно говорить уже о вынужденной миграции (экономической). Для вынужденных репатриантов в Россию из новых независимых государств, во-первых, ситуация на рынках труда в местах оттока складывается неблагоприятно в силу не только экономических, но и этнополитических причин, дискриминационной по этническому признаку кадровой политики. И это лишает их перспективы, надежды на улучшение трудоустройства и повышение профессионально-социального статуса в будущем даже при условии улучшения экономической ситуации в новых независимых государствах, по крайней мере до завершения периода их национально-государственного строительства. Кроме того, трудоустройство – не единственная сфера жизни, где они не видят для себя перспектив в новых геополитических условиях. Поэтому единственным выходом они считают переселение на постоянное жительство, а никак не временный переезд или поездки для подработок. Во-вторых, поскольку конъюнктура на рынках труда принимающей страны - России - чрезвычайно плохая, для переселенцев практически вообще не стоит вопрос об улучшении трудоустройства. Мало кому удастся найти хоть какое-то рабочее место заранее, до переселения. Чаще всего они едут в неизвестность, и их трудоустройство после переезда резко ухудшается. Таким образом, массовый приток переселенцев в Россию происходит невзирая на тяжелую ситуацию на рынках труда и резкое ухудшение трудоустройства после переезда. Сдерживающее влияние ситуации в России, отразившееся в

постепенном уменьшении притока в последние три года, действует лишь благодаря относительно спокойному развитию в странах, где русскоязычное население имеет пока еще большой эмиграционный потенциал. При дестабилизации положения этот фактор не сможет удержать очередную волну возвращения этнических россиян. В-третьих, образовательный и профессионально-квалификационный уровень вынужденных мигрантов очень высок и в среднем намного превышает соответствующие характеристики принимающего российского населения. Это связано с выполнявшейся россиянами в этих странах ролью, с соответствующим очень высоким уровнем урбанизации русского населения за пределами России, а также с преимуществами, длительное время сохранявшимися за ними на рынках труда.

Весьма значительная часть притока вынужденных мигрантов оказывается в малых городах и сельской местности, где они ощущают отношение нового социального окружения как гораздо менее благоприятное, чем в больших городах. Во-вторых, уровень негативной реакции на появление мигрантов в разных типах поселений определяется различиями в социокультурной дистанции между принимающей общиной и приезжими. И здесь противоположность полюсов - города и села - связана уже не только с размерами принимающей общины, но и с ее урбанизированностью. В селах гораздо чаще, чем в городских поселениях, местные жители характеризуют высокоурбанизированных переселенцев

как не умеющих и не желающих работать. Довольно значительная часть принимающего российского населения - 31% - находит что-то положительное в притоке вынужденных мигрантов, 38% опрошенных дают ответы о необходимости предоставления помощи мигрантам в адаптации, в том числе связанной со значительными материальными затратами и соответствующими изъятиями из общих скудных государственных и региональных ресурсов, а 49% местных жителей считают, что необходимо оказывать материальную помощь соотечественникам в странах СНГ и Балтии. Потенциал толерантности жителей России можно считать довольно значительным, учитывая, что сами они также находятся в ситуации дисадаптации и борьбы за выживание. И у этого потенциала есть большие резервы для развития. Прежде всего, это пересмотр практической миграционной политики, государственная помощь потенциальным мигрантам в реализации переезда и повышение целесообразности их расселения в России. Еще одним важным резервом является усиление личных контактов, непосредственного взаимодействия между местным населением и вынужденными переселенцами, что позволило бы сместить акценты взаимоотношений с межгруппового уровня на межличностный. Данные исследований показывают, что наличие личных контактов с местными жителями существенно уменьшает негативное восприятие переселенцами отношения со стороны новой социальной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. М., 1999; Нос Н.М. Мигрантофобия как социальное явление в структуре межэтнических отношений: дис. канд. социол. наук. Краснодар, 2007. Хотинец В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.
2. Бондаренко Е. Миграционная служба в борьбе с незаконной миграцией. М., 2008. С.14.

